

не раз бивал канцлера Сегье и Бюльона. Однажды, когда сей Суперинтендант финансов отказался подписать бумагу, коей было бы достаточно, чтобы отдать его под суд, Кардинал схватил каминные щипцы и сдвинул ему горло, говоря: «Ах ты паршивец, вот я тебя удавлю», — на что тот отвечал: «Душите, все равно не подпишу». В конце концов Кардинал отпустил его, а на следующий день Бюльон, сдавшись на уговоры друзей, убеждавших его, что иначе он погиб, подписал все, что было угодно Кардиналу.

Кардинал грубо обращался с подчиненными и всегда был в дурном настроении. Правда, он довольно легко себя сдерживал.

Говорят, будто в гневе ему случалось ударить Кауа, капитана его личной Гвардии, да и других. Говорят, что Мазарини поступал так же с Новем, когда тот был капитаном его Гвардейцев.

Кийе

Кардинал иной раз довольно едко высмеивал людей, притом без достаточных оснований. Г-н де Шавиньи задумал назвать дворец Сен-Поля дворцом Бутейе и сделать соответствующую надпись над воротами. Кардинал де Ришелье высмеял его, сказав: «Все Швейцарцы станут ходить туда пьянствовать; они решат, что это значит *Дворец бутылки*».⁴⁶ Архиепископ Турский подписывался всегда ле Бутейе, притязая на то, что ведет свой род от графов де Санлис. На самом деле родоначальником семьи Бутейе был крестьянин из Турени, переселившийся в Ангулем. По женской линии они происходят от Равайана, вернее от одной из сестер Равайака; во всяком случае они состоят с нею в довольно близком родстве. Отец Архиепископа и Суперинтенданта был адвокатом в Париже и написал историю Марты Бросье, той девицы, что принималась одержимой; впоследствии они пытались всеми силами утаить эту книгу.⁴⁷

Во время осады Арраса⁴⁸ мне как-то случилось написать послание в стихах маленькому Кийе, врачу маршала д'Эстре, он был в ту пору при Дворе, в Амьене; в нем шла речь о пресловутой Пармской кампании.⁴⁹ Пакет был отправлен на имя друга Кийе — Ботрю. По ошибке его отнесли Ножану, брату Ботрю, и тот ради собственного удовольствия задумал его вскрыть, поскольку отдал за письмо четверть эку, а он был необычайно скуп. Желая посмеяться Кардинала, Ножан отнес ему эту безделушку. Его Высокопреосвященство не преминул посмеяться (потому что некоторые стихи можно было отнести к г-ну де Бюльону: *.⁵⁰ тот, как и Кийе, был небольшого роста, толст, краснолиц в чревоугодник) и воспользовался случаем, чтобы подразнить Сенетерра, который состоял при Бюльоне присяжным льстецом; когда Сенетерр указал Кардиналу, что

* Бюльона звали «Толстым Геймомом в укороченном виде». Литераторы его ненавидели, ибо он открыто их презирал.